

Катя проснулась и медленно, осторожно села на кровати, стараясь не опираться на локоть и плечо, поморщилась от неловкого движения: болели суставы. В комнате пахло дряхлым невымытым телом, корвалолом и вьетнамским бальзамом «Звездочка».

Среди кусочков серебристой фольги с разноцветными таблетками она нащупала на прикроватной тумбочке застиранную детскую панамку, бережно разгладила дрожащими, скрюченными артритом пальцами и надела себе на голову. Видела она с каждым годом все хуже, но очков не признавала: ей казалось, они ее уродуют, да и читать ничего не хотелось.

Катя взглянула в окно: голые деревья тянут ветви в набухшее от влаги, как хлебный мякиш, серое небо. День еще только начался, но было темно, как будто с утра уже вечер. Словно ругаясь, покаркивала ворона.

Катя не знала, какой сегодня день недели, – все ее дни давно уже слились в один бесконечный, но по этой серости за окном и унылому покаркиванию она безошибочно узнавала приход ноября...

Катя прожила на Верхней Масловке почти век. В последние годы квартира съежилась для нее до размеров комнаты, в которой давно не было ремонта, зато много старых вещей – память о дорогих ей людях. Их уже нет в живых, а вещи остались. На окнах занавески цвета крем-брюле. На подоконнике за туманом белого тюля декабрист, алоэ и несколько традесканций, рассеявшихся, как барыни, в керамических горшках со славянским орнаментом. На стене коричневые часы с кукушкой и тяжелыми гирями-шишками. Дубовые стол и стулья, сделанные на века. Шкаф с сервизом из звенящего богемского

хрусталя. Полки с покрытыми пылью книгами – в основном русская и зарубежная классика.

В рамке из красного дерева самая любимая фотография, где маленькая Катя с родителями и сестрой на даче: у девочек одинаковые белые панамки и полные горсти спелой жимолости. Мама сидит на скамейке, нога на ногу. Она в широкополой шляпе, а папа обнимает ее сзади и улыбается, показывая крупные передние зубы.

В кресле самодельная плюшевая собака с глазами-пуговицами, на столе у окна – стеклянный Пушкин с гусиным пером в руках и по соседству деревянный медведь с Машей, выглядывающей из короба. Рядом фарфоровая ваза с изображенными на ней деревьями. Эту вазу привезла Катина мама из Кисловодска. Катя ее берегла, каждый день сама протирала влажной губкой и только теперь, когда руки перестали слушаться и тряслись, доверила это сиделке. В детстве мама читала им с сестрой сказку о волшебной стране с райским садом и разноцветными бабочками, где царят любовь и счастье. Засыпая, Катя смотрела на эту вазу и думала, что это и есть тот самый сад из волшебной страны.

Катя часто видела во сне бабушку, маму, папу, сестру. Только этими снами она в последние годы и жила – они были настоящей реальностью, отрадой. Что в этом мире у нее осталось? Лишь одиночество и дряхлеющее с каждым днем тело.

Уже много лет Катя наблюдала за изменениями, произошедшими с внешней оболочкой: у кожи появился отвратительный старческий запах, она была теперь похожа на сухую, растрескавшуюся глину, покрылась грязно-желтыми пятнами. Когда-то мелодичный голос сделался хриплым и дребезжащим, а ярко-голубые глаза выцвели, словно их сильно разбавили водой. Походка стала шаркающей, медлительной, и каждый шаг причинял такую

боль, какая не снилась даже Русалочке. Залезть в ванну и помыться стало целым приключением. В этом причиняющем страдания теле, как в тюрьме, жила пленница-душа, которой хотелось вырваться, улететь туда, где давно ждут те, кто ее любил.

Катя заметила, какой странной стала ее память: она часто не помнила, что было вчера, пила ли сегодня лекарство; но зато помнила и могла пересказать во всех подробностях события шестидесятилетней давности.

В детстве Катя каждый день просыпалась от счастья просто потому, что наступило утро. Были долгие прогулки по парку, кормление лебедей в пруду. Вечером семья собиралась на кухне. Папа ласково улыбался, смотрел на маму и курил, мама брала в руки гитару и исполняла русские романсы. Затем началась школа. Поползли нудные будни. Потом отучилась пять лет на филологическом. После получения диплома мать похлопотала, и Катю взяли в Ленинскую библиотеку. Работа тихая, непыльная.

Замужем Катя никогда не была. В ее жизни случилось несколько недолгих любовных связей с женатыми мужчинами, которых пленили и заморозили каштановые кудряшки и пышные булочки-груды молодой библиотекарши. Плодом одной такой связи стала дочка Верочка, улыбчивый тихий ангелок. Но Бог вскоре забрал ее на небеса. Больше детей у Кати не было.

Незаметно, по капельке, как вода из протекающего ржавого крана, почти вся ее жизнь утекла, а вместе с ней ушли силы. И теперь за Катей ухаживала дальняя родственница Татьяна, седьмая вода на киселе, равнодушная и неласковая. Чужая.

От окна потянуло холодом и сыростью. Катя накинула поверх халата плед. Да, нынче не май. В соседней комнате выл пылесос: Татьяна делала уборку.

Катя погладила нежный и мягкий краешек старенькой подушки с бахромой. Эта вещь до сих пор хранила ароматы детства. Кате казалось, что подушка пахла так, как пахло в родительском доме: кухонными полотенцами после кипячения, горчичиками, чайным грибом в банке, горькой редькой с медом, которой мама лечила их с сестрой от простуды; тяжелым ковром и пылью, скопившейся в нем.

С одной стороны подушки кусочек шерстяного цветастого платка – такой раньше повязывали на голову зимой, а с другой – на черном бархате сказочной красоты бутоны и лепестки алых роз с нежно-зелеными листочками, жар-птица и павлин с золотистым крылом и хвостом-веером. Эту картину вышивала мама.

В детстве, стоило Кате заболеть, мама заботливо укладывала ее пылающую от высокой температуры голову на прохладный черный бархат с розами и павлином, ласково поглаживала лоб и приговаривала: «Кто на подушечке волшебной ночью поспит – быстро выздоравливает». Она верила маме, и действительно к утру всегда становилось лучше, температура снижалась. Да и сейчас Катя ложилась спать на эту подушку и верила, что она поможет. Ведь самое главное – верить.

Озноб пробивал сквозь плед. Пальцы рук и ног онемели. Катя прислушалась. Татьяна закончила пылесосить и принялась протирать полы – из соседней комнаты доносились стук швабры, то и дело бьющейся об углы, многоголосье работающего телевизора и треск подпрыгивавшей во время работы стиральной машины.

Катя перевела взгляд с подушки на полку с книгами. Там стояла ее любимая – «Дядя Стёпа», подаренная отцом. Огромная по сравнению с другими детскими книгами, в бежевой обложке, обкусанной с лицевой стороны домашними хомьяками Хомкой и Фомкой. Эта книжка спасала ее от страха и одиночества.

В детстве Катя боялась оставаться дома одна. Однажды сестра заболела, и мама ушла с ней к врачу, а Катю закрыла в пустой квартире, в которой благодаря буйной детской фантазии сразу же ожил Синяя Борода под кроватью, слышалось шуршание домового за занавеской и шепот злой колдуньи в платяном шкафу. Стуча зубами и пытаясь унять дрожь в коленках, она побежала к полке с книгами, поскорее открыла «Дядю Стёпу» и начала читать, рассматривать цветные картинки. Вот дядя Стёпа ремонтирует светофор, воспитывает хулигана, а вот он спасает старушку с бельем.

Книга была ее оберегом, заветным кругом Хомя Брута, защищающим от Вия. Ей казалось, что если она не будет смотреть на домового и колдунью, то и они не увидят ее.

Так прошел час, и в тот момент, когда она открыла любимую картинку, на которой очередь из молодцев в форме Балтийского флота несет кому-то в подарок огромного надувного дельфина, услышала долгожданное шуршание мамино ключа в замочной скважине. Катя в слезах побежала в коридор, чтобы обнять маму, холодную, пахнущую свежестью и морозом, чтобы уткнуться носом в ее колючее зимнее пальто и почувствовать: спасена!

Катя сидела с закрытыми глазами, чуть раскачиваясь взад-вперед, погруженная в свои мысли. На телефоне пружужжало напоминание выпить лекарство. Катя взяла с тумбочки несколько белых и желтых, круглых и продолговатых таблеток, привычным жестом закинула их в рот и, чувствуя на языке все нарастающую горечь, поскорее запила их водой. В желудке стало неприятно. Надо перетерпеть.

Захотелось есть. Катя посмотрела на часы – ровно девять. Обычно в это время Татьяна приносила ей еду. Через дверную щель проник запах овсянки и только что сваренного кофе. Значит, скоро будет завтрак.

Катя вспомнила, как в детстве по утрам мама разливала по стеклянным стаканам горячий, пахнущий мятой и чабрецом чай, который невозможно было пить: он обжигал руки и губы. Но мама как-то умудрялась пить и не обжигаться. От пшенной каши, наложенной в алюминиевую миску, шел пар, и у Кати запотевали очки, и долго потом ничего не было видно.

Катя помнит себя – маленькую, худую, коротко стриженную – за деревянным столом. Она зачерпывает кашу на кончик ложки и старательно дует. Долго рассматривает узор на алюминиевой ложке. Сестра уже успела съесть свою порцию и просит добавки. Каша в Катиной тарелке давно остыла, стала холодной и невкусной. Сестра уже доедает добавку, а Катя все сидит, размазывает ненавистную пшенку по краям тарелки. «За что мне такое наказание – кормить этого ребенка? – выходит из себя мама. – Сладкого не получишь, пока кашу не съешь». Сестра уже уплетает вторую шоколадную конфету, с Катей не делится. Ну и что, подумаешь! Не в конфетах счастье.

Как ни странно, мужчины, которых Катя когда-то любила, ей никогда не снятся. Она и раньше нечасто их вспоминала, а теперь и вовсе забыла их черты лица. Дочка отснилась, как будто ее никогда и не было. Снятся ей один за другим лишь моменты из детства.

Часто она видит один и тот же сон. Или никакой это не сон, а воспоминание? Теперь не понять, где сон, а где реальность – все смешалось...

Такой же, как и теперь, с размытой серостью ветвей, ноябрьский день, та же квартира, и они с сестрой играют в прятки. Катя считает до десяти, уткнувшись лбом в засаленные оливковые обои, а сестра прячется. Катя идет искать. Смотрит сначала на кухне за шторами, потом на пыльном полу под диваном – сестры нет. Заглядывает во все углы и под стол – сестры нет. Катя обходит все ком-

наты, ищет в кладовке, среди банок с яблочным вареньем и огурцами, и в пахнущем нафталином платяном шкафу, но сестры нигде нет. Она размазывает ладонями слезы по покрасневшим щекам и, рыдая, кричит: «Ну выходи, я сдаюсь». Но сестра все не выходит из своего укрытия...

Катя долго сидела и вспоминала, глядя в одну точку на вспученных обоях. Вдруг в вазе, стоявшей на столе, она услышала тихий шорох листьев, и из-за апельсинового дерева вышла знакомая фигурка – семилетняя девочка в белом платье, с двумя косичками. Она весело помахала ей рукой.

– Так вот где ты была все это время, – обрадовалась Катя.

Девочка хитро улыбнулась и ответила:

– Сначала я спряталась за дерево и радовалась, что ты меня не нашла. Потом я очень веселилась, потому что все меня искали: мама, папа и даже соседи. А потом все затихло, и мне стало грустно.

– Я скучала по тебе, – прошептала Катя, и ее глаза заблестели.

– И я по тебе! Очень-очень! Пойдем, поиграем в прятки? Катя кивнула и улыбнулась, свободно и радостно.

Девочка вложила свою детскую ладошку в Катину шершавую, сморщенную руку, и они вместе зашагали в тень апельсиновых деревьев. Над их головами летали разноцветные, небесной красоты бабочки, а в траве под ногами лежали крупные оранжевые плоды.

Радуюсь своей проделке, сестры из-за ствола дерева наблюдали, как в комнату вошла с чашкой кофе и тарелкой овсянки Татьяна, как остановилась возле кровати, как поднос с овсянкой и кофе чуть дрогнул в ее руках и опустился на стол. Лицо Татьяны было сосредоточенным. Она зачем-то тормозила, расталкивала что-то, лежавшее на кровати, – грузное, мешковатое, застывшее и уже ненужное. Неживое.